

Александр Домогаров, без сомнения, одна из самых ярких звезд современного российского театра и кинематографа. Времени у него не хватает катастрофически, съемки и репетиции в разных городах и странах следуют друг за другом, но при всей своей востребованности и популярности Домогаров оказался совершенно не подвержен «звездной болезни», он охотно идет на контакт, отвечая на самые разные вопросы, даже на резкие и неудобные. Единственное, о чем он принципиально не говорит, это о своей личной жизни, и эта позиция вызывает безусловное понимание и уважение.

лию, ни фильм. Кому нужно, тот поймет.

— Но иногда нужно прилюдно называть жулика жуликом, а подлеца подлецом, хотя бы для того, чтобы предупредить других.

— То, о чем я упомянул, даже не подлость. Это жизненная позиция, отношение к людям вообще. Пока ты нужен — ты нужен, и лучше тебя не бывает. Отжали тебя — до свидания! Иди своей дорогой и не оглядывайся. Такое поведение, на мой взгляд, не столько подлость, сколько глупость. Мы взрослые люди и должны понимать, что гора с горою не сходится, а человек с человеком рано или поздно обязательно сойдутся, особенно в такой узкой сфере, как наша.

Я в своей жизни делал ошибки, и немалые, и наверняка наделаю еще, но в последнее время стара-

да у тебя ничего нет, остается какой-то гонор и вместе с тем какая-то ответственность за себя, за свои поступки. В некоторой степени это можно сравнить с тем, когда ты вечером идешь по улице, а у тебя под мышкой висит ТТ. Ты знаешь, что он у тебя висит, а другие — нет, но ведь это не главное...

— Тогда самое время спросить об оружии. Создается впечатление, что вы владеете практически любым оружием.

— Нет, видов оружия, с которым мне пришлось иметь дело, не столь уж много, и все они из европейской истории: шпага в «Гардемаринов» и «Монсоро», там же полумеч, кинжал и топор, кинжал и меч в «Макбете», хотя на театральной сцене приходится жертвовать правдоподобием ради зрелищности. В «Огнем и мечом» мне досталась казачья сабля (кстати,

данный момент. Был Богун, я сутками не расставался с саблей и коном, сейчас репетируем Сирано, и я вернулся к французской шпаге. Жаль, конечно, что тут придется в первую очередь думать о сценичности. Но я обязательно сделаю хотя бы несколько моментов, чтобы даже профессионалы поняли, что это не игра, что мы владеем этим оружием...

— Я правильно поняла, что в кино боевые сцены относительно реалистичны, а в театре это скорее имитация?

перь еще и совместный проект с Анджеем Вайдой...

— Если не секрет, что это за работа и как вы познакомились?

— Познакомились мы после «Макбета», когда пан Анджей зашел ко мне в гримерку. Для меня это был сюрприз, так как о том, что на спектакль пришел Вайда, никто не знал, он предпочел смотреть нашу работу инкогнито. Через некоторое время мы встретились вновь, и мне была предложена роль в телеспектакле по роману Ярослава Ивашкевича «Одна

С ГИТАРОЙ И ШПАГОЙ

Александр Домогаров отстаивает правду прописных истин

Вера Камша

АЛЕКСАНДР, а согласились бы вы сняться в картине, зная, что немедленной финансовой отдачи не будет?

— Если меня заинтересует работа, безусловно, соглашусь.

В моем возрасте и в моей теперешней ситуации я не просто могу, я должен выбирать то, что мне нужно.

— Нужно или хочется?

— Нужно. Хочется очень многого, а вот нужно... У любимого мною Вертинского есть песня, которая называется «То, что я должен сказать». Так вот у каждого есть то, что за него никто не скажет и никто не сделает.

— Вы уже знаете, что должны сделать?

— Знаю, и даже начал действовать. Возможно, я о себе слишком высокого мнения, но мне кажется, задуманное мне по силам. Есть ощущение того, что вложенное в новую работу будет понято если не всеми, то хотя бы некоторыми, а понимание, попадание в резонанс с другими душами и есть для меня самое важное, а не, как вы изящно выразились, «финансовая сторона вопроса». Другое дело, что во имя главного иногда приходится идти на определенные и не всегда приятные компромиссы, да и люди попадают разные, хотя и в этом мне, как правило, везет.

— Как правило? Значит, случалось и обратное?

— Один раз, а это, как известно, не считается. К тому же нет худа без добра: не нарвись я на этого человека, меньше бы ценил других. А теперь у меня есть с чем сравнивать.

— Подробнее не расскажете?

— Зачем? Сводить счеты посредством языка неэтично, так что я не стану называть ни фами-

юсь вести себя так, чтобы никто обо мне не сказал: с этим человеком лучше дела не иметь. Даже если кто-то заденет, стараюсь зажаться и не отвечать. Уж как-нибудь переживу... В упомянутой истории я просто сказал: пока передо мной и еще одним человеком не извинятся, никакого дальнейшего сотрудничества быть не может, каким бы перспективным оно ни выглядело. Не знаю, понял меня мой собеседник или не понял... Понял — хорошо, нет — его проблемы, но я больше работать с ним не буду.

— Но в некоторых случаях дать по морде все же хочется...

— Пожалуй. Но когда ты знаешь, что в состоянии по этой морде дать, и дать сильно, начинаешь свои желания и возможности соразмерять. Тут, как математики говорят, должно быть необходимо и достаточное.

— Вам не кажется, что в старину, когда существовали дуэли, этот вопрос решался сам собой?

— Ну, говорят же, что, когда дуэли были заменены жалобами и анонимками, число жертв резко возросло. А вообще-то оружие учило отвечать за свои слова и не спускать поддлам и мерзавцам. Когда на человека надевают португезу, он как-то подтягивается. Это совершенно особенное ощущение: ты одеваешься, застегиваешь пояс, вставляешь шпагу — и все! Ты не один. Вот она, висит у тебя на боку, звякает, бьет тебя по бедру... А если сзади еще кинжал, то тебе и сам черт не брат!

Я понимаю, что со стороны мои восторги выглядят какими-то несерьезными. Кто-то скажет, что это все игрушки, но это не совсем так. Не испытав, не поймешь ощущения, которое испытывает мужчина, вооружившись. Более того, частое обращение с оружием накладывает на человека какой-то постоянный отпечаток. Даже ког-

да у тебя ничего нет, остается какой-то гонор и вместе с тем какая-то ответственность за себя, за свои поступки. В некоторой степени это можно сравнить с тем, когда ты вечером идешь по улице, а у тебя под мышкой висит ТТ. Ты знаешь, что он у тебя висит, а другие — нет, но ведь это не главное...

— А когда вы впервые взяли саблю?

— Довольно поздно. В Театральной училище имени Шепкина в Москве, да и то это было не столько фехтование, сколько танец с саблями, вернее, со шпагой... К настоящему фехтованию, когда жизнь человеческая измеряется длиной клинка, наши изыски не имели никакого отношения. Это потом я понял, что убивают одним незаметным движением кисти.

— Вы где-то брали уроки?

— Моим настоящим учителем стал бывший чемпион мира Владимир Балон. Вы его наверняка знаете по «Трем мушкетерам», где он играл Жюссака. Именно с его помощью я и понял, что такое шпага...

— А есть в фехтовании какое-то золотое правило?

— Пожалуй... Ты не можешь проследить движения твоего противника, но ты их можешь предугадать по глазам. Поэтому в бою ни в коем случае нельзя смотреть на конец чужой шпаги, а только в глаза. Ты должен ощущать противника через взгляд, а рука должна не только за ним успевать, но и опережать.

— То, о чем вы говорите, кажется невозможным.

— Отнюдь нет. Это вполне реально, если поймешь, почувствуешь, что вот это длинное, тонкое, тяжелое, что управляется глазами и кистью, — часть тебя. Не нужно больших замахов, и уж тем более нельзя рубить сплеча, все делается пальцами, а локоть почти неподвижен.

— У вас есть любимое оружие?

— Я человек увлекающийся, мне всегда интереснее то, что я делаю в

Александр Домогаров. Фото получено по каналам интернета

— Да, в кино можно сделать все правдоподобно, в театре же приходится показывать красоту оружия.

— Александр, общеизвестно, что вы не только шпагой владеете, но и гитарой, и при этом хорошо поете. Поговаривают о том, что в скором времени появится ваш диск.

— Намерения, причем очень твердые, записать диск у меня есть. Увы, пока нет времени. А петь я действительно люблю, как, наверное, любой человек, который не имеет особых способностей...

— Вам не кажется, что вы немножко кривите душой...

— Вы меня не дослушали. Есть вокальное пение с высокими си и фа и так далее, как у великолепно-го Шервинского. Такое мне не по плечу, и на такое я не махиваюсь. Мне всегда нравилось так называемое актерское или авторское пение. Неровные, «невокальные» голоса отчего-то трогают и задевают за душу куда сильнее хорошо поставленного, профессионального пения. По крайней мере у меня это именно так.

— Александр, вы только что в очередной раз вернулись из Польши, про вашу популярность в Польше и на Украине прямо чудеса какие-то рассказывают...

— Мне действительно безумно повезло с Польшей в том смысле, что с этой страной связаны одни из самых интересных и важных для меня работ. Сняться у Ежи Гофмана, сыграть Макбета, а те-

июньская ночь». Вторая половина уже теперь позапрошлого века. Польское восстание подавлено, и судьба сводит русского офицера (которого играю я) и польскую аристократку, муж которой сослан в Сибирь. Непростая, неожиданная для обоих и сильная любовь. Подробнее рассказывать не стану.

— Вы как-то незаметно ушли от вопроса о культе вашей личности в Польше...

— Это прежде всего заслуга Гофмана и Сенкевича. Они сделали совершенно невозможное дело. Лично я никогда раньше не встречал такого отношения. Прежде всего, конечно, трогают дети. Фильм произвел такой эффект, что для польских ребят киногерои стали реальнее и интереснее тех, кто ходит по соседним улицам. Им хочется посмотреть на живого Богуна, вот и приходят, поджидают, стоят... Самые смелые подходят, заговаривают, просят сфотографироваться, дают автограф да просто руками потрогать.

— А взрослые?

— Иначе, конечно, но тоже очень трогательно. Доходит до смешного. В Польше я не могу пойти в магазин или на рынок, потому что сразу же начинается: «Этот вы? А что пан хочет? Ветчины? Мяса?» А мне и нужно-то всего 300 грамм колбасы, и причем я за них твердо намерен расплатиться.

— Наденьте темные очки...

— К сожалению, на премьере я был именно в темных очках, так что с ними еще хуже. Сразу узнают.